

потому, что он старше. Человек этот внушал уважение. Ни разу за весь день он не выругался матом, несмотря на то, что во время работы были моменты, где сдержаться от крепких высказываний было тяжело. Чувствовалась в нем высокая внутренняя культура. Говорили о политике, и я был поражен его эрудицией. Меня разбирало любопытство узнать историю женитьбы, и, выбрав момент, я все-таки набрался смелости и спросил об этом.

Старик ответил, что оба много пережили: Танюшка, бедная, сколько от родителей запретов наслушалась. А ему досталось от ее воздыхателя и его дружков. Подкараулили они незваного соперника, да так отделили, что он потом неделю лежал. Узнав про это, Татьяна примчалась к Петровичу, чтобы выхаживать его, да так и осталась. Родителям пришлось смириться, и влюбленные сыграли небольшую свадьбу. Окончив институт, жена стала работать в школе. Вначале жили у Петровича. Но вскоре он накопил средства на собственный дом.

...К одиннадцати вечера работа была закончена. Петрович рекомендовал сутки не зажигать печку, а потом проверить тягу. Я рассчитался с ним и

предложил еще сумму за его кирпич. Он протестующе замахал руками:

– Да ты что, это я на свалке нашел и припрятал – вдруг кому пригодится.

Ко мне он пришел без велосипеда, и я отвез его домой. Расстались очень тепло, но номер своего телефона он мне не дал. Через несколько дней я затопил печь дровами и был приятно удивлен, что та не только не дымилась, но и выдавала такую высокую температуру, о которой ранее и мечтать не приходилось. Было понятно, что мастер устроил все утечки тепла, сделал все грамотно и добросовестно. Мне стало стыдно за мою версию по поводу низкой цены за работу.

Прошло время. Глубокой осенью, когда повсюду уже лежал снежок, я ехал на дачу. Навстречу мне двигался путник с велосипедом в руках. Я остановил машину, подошел к нему.

– Хорошо, что я Вас встретил.

Хочу поклониться в знак уважения и признательности. Печка работает прекрасно.

– О чем разговор. Делать людям добро сам Бог велел.

Заметил, что колеса на велосипеде спущены. Предложил накачать их, но Петрович пояснил, что в велоси-

педе камер нет, он их специально вынул. Я недоуменно пожал плечами. Не принял он и моего предложения попить чай, сославшись на то, что у него запланирован второй рейс за стройматериалами и он боится не успеть до темноты.

Мы распрощались. Я стоял и еще долго смотрел вслед старику. Вряд ли проезжающие мимо путника в старой поношенной одежде и обуви могут себе представить, что по дороге идет человек большой душевной щедрости, который в свои семьдесят четыре года каждый день проходит по десять километров, собирая брошенное и помогая дачникам в хозяйстве. Человек, который так любит свою жену, что ради этого светлого чувства бескорыстно трудится целыми днями, выполняя добрые наказы, что являет Танюшка в сновидениях своему любимому Петровичу...

Великая сила любви творит чудеса, очищает душу, делает нас добрее и человечнее. И жаль тех, кто не верит в любовь, значит, жизнь прожили зря.

– Храни тебя Господь, Петрович!

В избе образа

Мне виденье или сон, и так все наяву –
Я в деревне своей, у речушки,
От околицы я по селенью иду,
Мне навстречу – из церкви старушки.

Вот родительский дом и дубовая дверь,
На двери, помню с детства, зарубка.
Стоит в ковке красивой, железных петель
Там старинный сундук у приступка.

А в избе образа, и лампадка горит,
Дым лампадный выносится в сени.
У окошечка мать прялкой вяжет, сидит.
И от печки играют тени.

Словно в детстве, опять в светлой горнице я.
Два окна, занавески в разводах.
На стене в рушниках вся на фото родня,
Память наша с тридцатого года.

Благодать на душе, чистота так кругом,
Бабки в юбках нарядных из ситца.
И церквушка вдали, и родительский дом,
Моя улица сельская снится.

И в избе образа, и лампадка горит,
Дым лампадный выносится в сени.
У окошечка мать прялкой вяжет, сидит.
И от печки играют тени.

Отцветает акация

Отцвела в дыму своем акация,
Клевер весь запрятался в траве.
Пик у лета, это – кульминация,
Сенокос и птицы в синеве.

Запах сена, травами пропитанный,
Запах детства снова на лугу,
Ржаным полем, лугом я воспитанный.
И пред ними вечно я в долгу.

За палитру красок их несметную,
За затишье жизни, простоту,
Как бы мне мечту свою заветную
Разместить вот в эту пустоту.

Мне бы в детство. Босиком, разутым
На заре побегать по росе.
И верхом, коня с ночи распутав,
Проскакать по скошенной косе.

А потом в стожку, медком пропитанном,
Помечтать под пенью птичьих стай.
Ржаным полем, лугом я воспитанный.
Русь моя – родимый курский край!

